МУРЗИЛКА

№ 8
1924

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ
ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА
ИЗДАНИЕ „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ"

При этом № бесплатное приложение „Катанье с го

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на Январь, Февраль и Март 1925 года.

на новый журнал для детей младшего возраста (от 4—7 лет

„МУРЗИЛКА“

Издание „Рабочей Газеты“

ГОД II-Й.

Журнал выходит ежемесячно книжками, отпечатанными крупным шрифтом, с множеством рисунков и с обложкой в красках, **с приложениями** — в ви картин для вырезывания и склеивания.

Журнал издается при ближайшем участии: **Ал. Алтаева, О. В. Спандаря** и группы московских педагогов — **А. Пальмбах, В. Симонс, Я. Симонс**

СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА:

Богатов, Н., Венгров, Н., Горлов, Д., Гурьян, О., Григоров, Л., Дуров, Вл., Денисов, Н. Денисовский, Дубенская, М., Ильинский, Н., Катаев, В., Комаров, А., Кожевников, А. Лебедев-Кумач, В., Моор, Д., Насимович, А., Павлова, А., Покровский, С., Петров, А., Пустынин, М., Ротов, К., Соборова, А., Чуковский, К., Шафранова-Межакова, М., Чел цов, А., Шолок, Эдвард, Шведер, Е. и др.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ:

1) рассказы, очерки, сценки, сказки из мира животных; 2) стихотворени басни. 3) маленькие пьески; 4) первые рассказы о явлениях природы, о животных и растениях; 5) очерки из области труда и производства; 6) заняти игры, работы, самодельные игрушки из бросового материала; 7) шутки, задач загадки.

БЕСПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:

1) МАВЗОЛЕЙ В. И. ЛЕНИНА. Картина-панорама.

2) Театр с подвижной сценой „4 поколения“.

3) Календарь „ЛЯГУШАТ УЧАТСЯ“.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 3 месяца . . . . 1 р. 20 копеек
на 1 месяц . . . . — 40 копеек

Адрес редакции и конторы: Москва, Охотный ряд, 7, „Рабочая Газета“

— „Знаменосцем будет кто?“
— „Я!.. я!.. я!.. я!.. я“!..
Октябрята так—всегда,—
Все—одна семья.

МУРЗИЛКА

1924 г. | ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА. | № 8.

Открыта подписка на 1925 год.

Смотри об'явление.

Ребята на автомобиле

Муравьиный лес.

БАСНЯ.

— „Ну, что, мурашка? Как живем?“—
Сказал осел при встрече с муравьем.
— „А ничего, брат, понемногу!
„Эк заступил дорогу!
„Дай протащить траву мне, что-ль!“
— „Да ты отколь
С такою ношей?“
— „С горы“.—„Большая там трава?“
— „Посмотришь вверх, — кружится голова.
Давно не видывал такой травы хорошей.
„Какой-то травяной сплошной дремучий лес!
„Уж лез я, лез...
„Насилу выбрался оттуда?“
— „Лес? Фу - ты!“ — перебил осел тут муравья:
— „Махну-ка-сь на гору и я!“
Махнул. Глядит: гора, песок... тут щебня груда...
Там выступ... там откос... Провалы, кручи, рвы...
По кручам редкий ельник.
Мох, тощий можжевельник
И что-то... вроде бы травы.
Ужо ловил ее, ловил осел зубами,—
Не защипнуть никак. Попробовал губами,—
Пыль на губах одна.
— „Вот так трава!“—вздохнул
осел, повесив уши:
Ай, муравей! Про „лес“ какой—
наплел мне чуши.
Постой-же! Я-ж тебя лгуна!“

Голодного осла нам жаль сердечно,
Хоть муравей был прав, посвоему, конечно.

Демьян Бедный.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

Задолго до октября стали мы к празднику готовиться. Плакаты рисовали, на картон наклеивали, а потом прибивали на палки.

Весь детский дом у нас был занят на работе.

Вдруг слышим,—не будет нам грузовика. Вот так история!

Руководительница Нина Сергеевна отмалчивается, как мы приставать к ней станем.

— Там видно будет,—говорит.

А чего там видно? Сказали,—не будет,—чего же зря дожидаться? Мы и носы повесили.

Только рано утром проснулись, умылись. Вася хромой кричит:

— Грузовик едет. Гляди, ребята!..

А тут с надворья слышим—гудок грузовика. Запыхтел, стал у под'езда,—весь трясется.

Мы такой гвалт подняли,—что Нину Сергеевну оглушили. Она уши заткнула даже, несчастная...

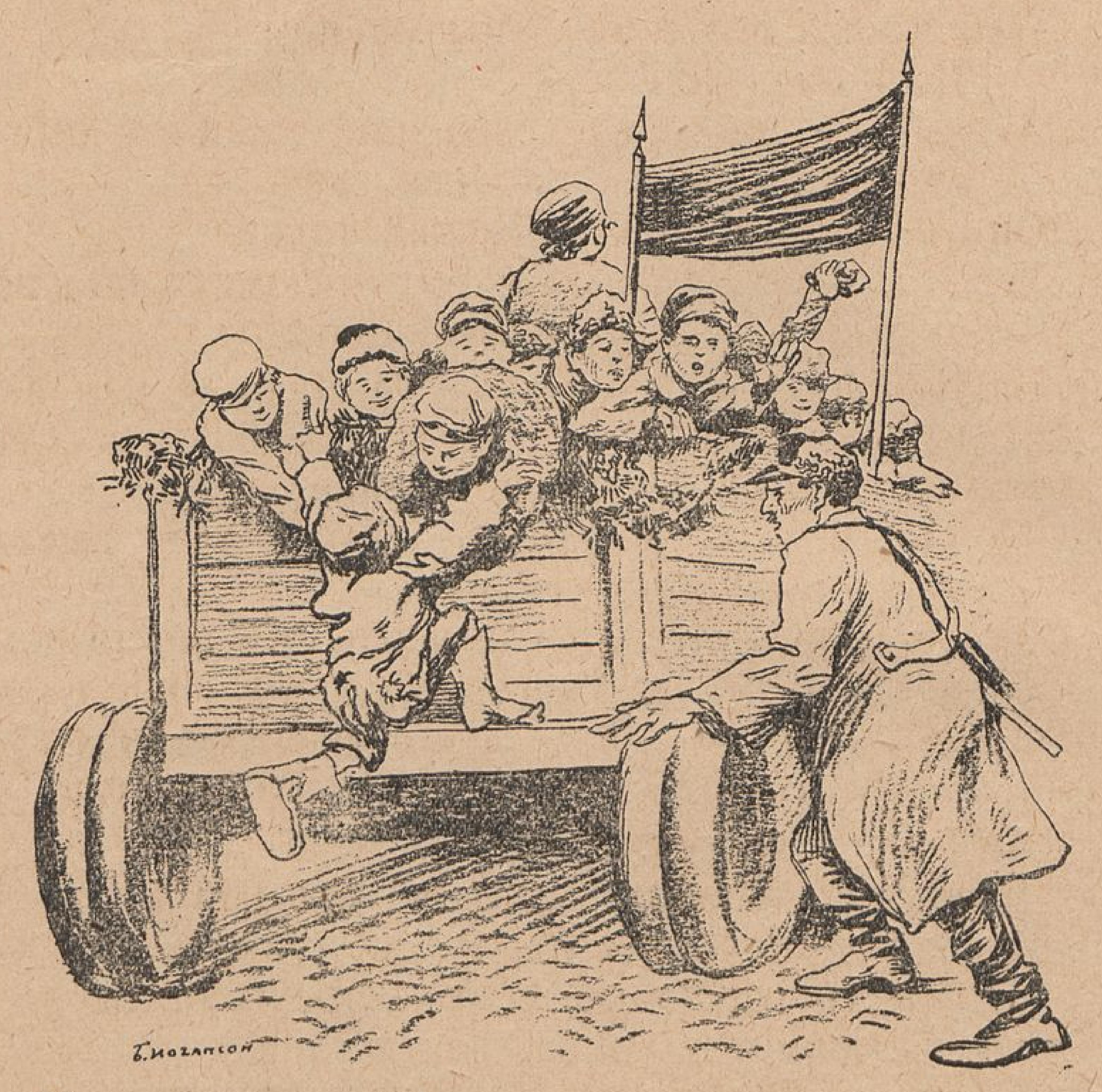
Грузовик—в зелени весь! Красивый такой!

Уж как мы рады были, как нас вывели на улицу, и стали мы карабкаться на машину.

Некоторые ребята в первый раз ехали, так боялись: трясет под ногами, ну, им и жутко. А там привыкли,—ничего.

Помчались. На улицах народу много. Шумно, весело. Флаги повсюду.

По Тверскому бульвару толпы стоят, со знаменами, с портретами Ильича.

Мы им кричим:

— Урра!..

А они—нам:

— Да здравствуют октябрятки!..

Мы с Любой и Лизой назади были. Вдруг слышим,—за нами крик. Милиционер кричит что-то.

Оглянулись,—а сзади за грузовик уцепился мальчуган,—весь оборванный, грязный. С нами едет. На него и кричат все. И милиционер его стащить хочет с грузовика.

Нам жалко его стало. Мы кричим:

— Наш это, наш!..

А сами его под руки схватили, тащим к себе.

— Лезь,—говорим,—цапайся сюда...

Он зацапался, влез. Жалкий такой.

У меня булка была,—я ему отломила половину; как звереныш, он ее с‘ел. Еще просит.

И Люба ему кусочек дала, и Лиза. А как быть? Ребята кругом шушукаются. Ну, как Нина Сергеевна велит его ссадить с грузовика.

— Молчите...—говорим ребятам.—А то высадят.

Сразу притихли ребята.—Ни-гу-гу...

Долго ездили. Продрогли даже. Повернули домой.

„Вот,—думаем,—история-то будет, как нас в дверь впускать станут, и Нина Сергеевна всех проверять пойдет“. Да Нина Сергеевна очень продрогла. Она старшей Шуре и говорит:

— Постой за меня, Шура, впусти ребят.

Ну, а мы Шуре уж шепнули:

— Возьмем его к себе, это найденного-то.

Шура говорит:

— Да его не примут. Проверять станут и удалят.

— А может, не заметят. В передней темно. А утром мы уговорим Нину Сергеевну.

Вошли, разделись. Нина Сергеевна говорит:

— Все тут?

— Все...

Она стала считать,—смотрим, сбилась. Опять начала считать,—не выходит счет.

— Ведь вас 28 было?—спрашивает.

— Двадцать восемь,—говорит Шура.

— Кто-же у вас 29-й? Или я так устала, что ничего не соображаю.

Ну, тут мы к ней. Все об‘яснили. Головой покачала.

— Как же так, мне и накормить его нечем.

— Да ему от каждого из нас по кусочку дать,— вот как хватит,—говорим ей.

Так и сделали.

Потом Нина Сергеевна хлопотать стала. Мы просили. Добились своего.

И теперь Володя с нами,—а прозвали мы его— Грузовик, потому что его грузовик выручил.

Детдомцы.

Наш проказник.

КЛАД.

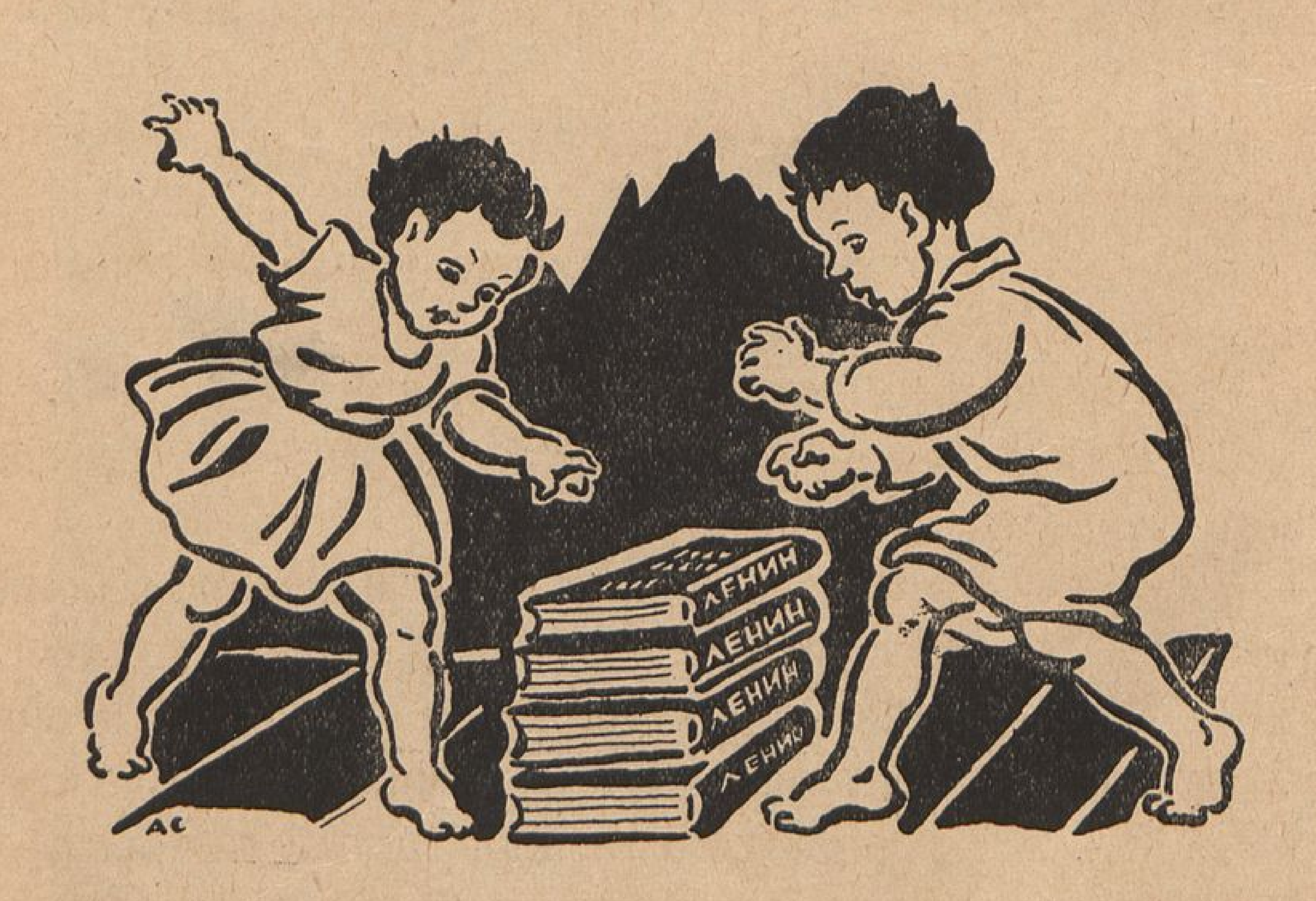
К Гале прилетел пулей Мишка.
— Скажу секрет“,—прошептал
плутишка.—
„Пойдем под вешалку, чтоб
никто не слышал,
„Такую тайну нельзя знать да-
же мыши“.—
У Гали нос кверху, ушки на
макушке:
Тайна—это вам не игрушки!
В передней спрятались под
пальто,
Мишка шепнул: — „Не иначе,
как—то!“—
„Что — то?“ — „Глупая, ясно, —
клад!“
„Слышала, папа дня два назад
„Рассказывал, что буржуи прятали клады,
„А рабочие их находят, даже по два сряду.
„А теперь папа клад нашел!
„Сказал:—„Сокровище!“—пыль из стола смел,
„Спрятал под замок аккуратно очень;
„Давай поглядим, говоря короче!“

* * *

Ночью, когда сон сладок,
Наши ребята встали из кроваток
И отправились босые к папиному столу.
(Ключ стащили раньше). В ящике, в углу
Видят лежит книг целая груда.
Галя задела шкаф, зазвенела посуда.
Папа со сна вскочил:—„Что такое, вор?“
Но тут раздался ребячий хор:

— Папа, ты сказал „сокровище“ тут,
„А это книги!“—„Галька—и ты, Мишка-плут,
„Идите сию минуту спать,
„Завтра об‘ясню, а сейчас в кровать!“
Утром смеялся очень папа:
— „Думали,—сладкое и сунули лапы?“
Потом стал серьезным:—„Ребята,
„Хоть вы меньше, чем Октябрята,
„А знаете,—дедушка Ленин кто такой?
„Так вот он сам, своей рукой,
„Написал книги все эти!
„Лучше этих книг нет на свете!
„И для нас эти книги—сокровище!
„А буржуи боятся, как чудовища:
„Рабочие, эти книги прочитав,
„Добьются во всем мире своих прав!“...

Л. Ней.

Бродячая библиотека.

Вот какое дело было у нас.

Сидим как-то вечером в избе. Вдруг стучит кто-то в окно.

Ну, впустили; человек старый, одет плохо. Весь продрог, ежится. Погода стоит холодная, снежная.

— Пустите ночевать,—говорит.—А я уж вас потом порадую.

— Что-ж, оставайся,—говорим.—Места хватит!

— Только,—говорит,—я свое добро в избу перенесу, а то занесет снегом.

Мы даже посмеялись: какой такой клад у человека странного может быть?

Ну, он вышел на крыльцо—да в избу и волочит санки, а на санках коробок.

Вот он поел, попил да и говорит:

— Живете вы тут в темноте, не знаете, что на свете творится. Газеты-то читаете?

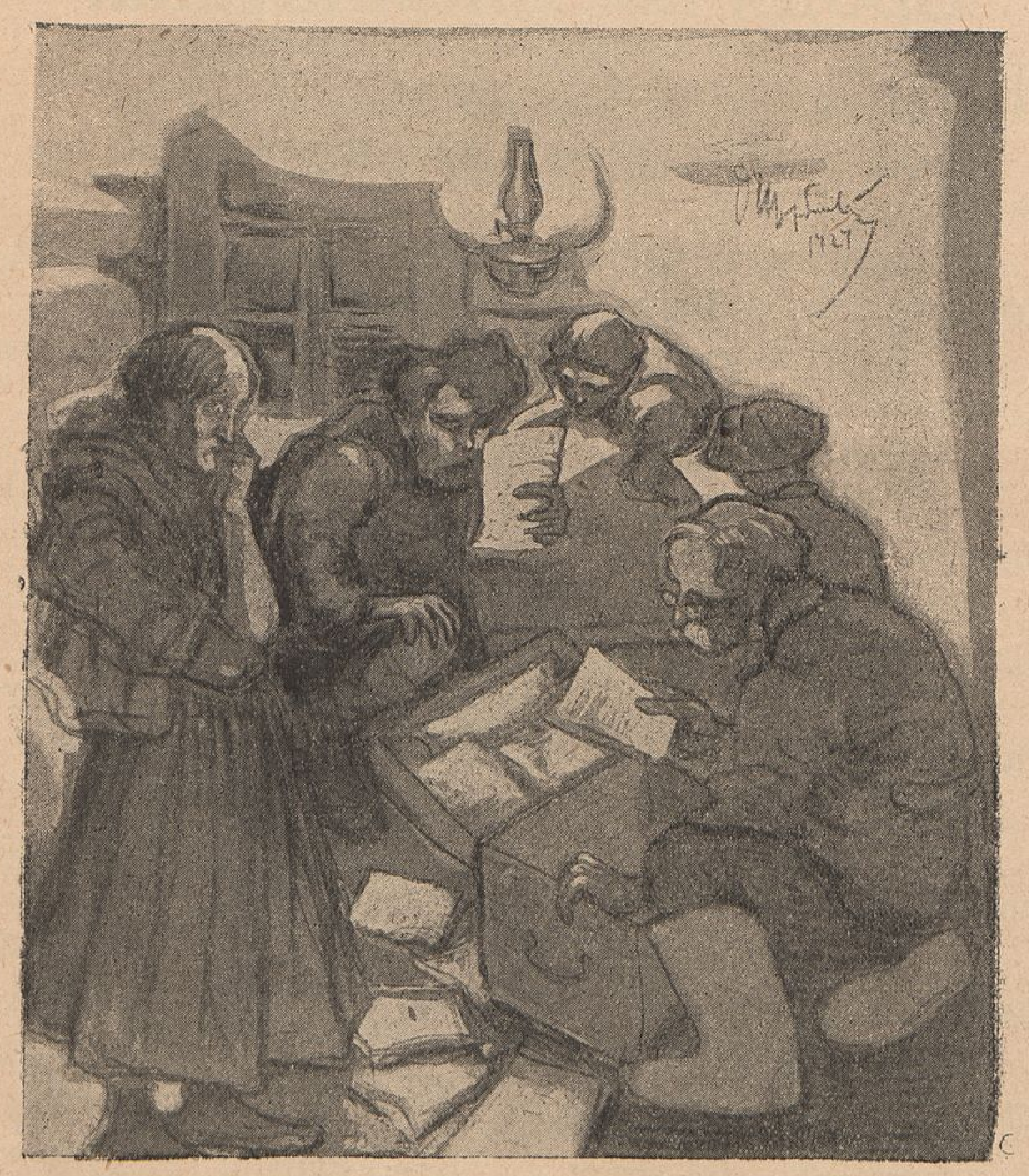
— Так,—говорим,—больше старье которое попадается. А то нет... Откуда возьмешь?.. Место глухое!

— Ну,—говорит,—у меня такое желание, чтобы вы читали да читали. Вот я вам книжек привез.

— Что-ж,—говорим,—спасибо, милый человек.— Да куда нам книги покупать, чай, в обрез живем!

Он это усмехнулся да и говорит:

— Это я предвидел слышать от вас. Ну, только вы ошибаетесь, ежели меня за торгаша принимаете.

Я этим делом не занимаюсь. А только желание у меня больно велико—вас просветить, сколько возмож-

ности есть. И ради того,—обзавелся я коробком, а в него книг разных наложил, и пошел в путь-дорогу странствовать по селам, по деревням. Вот, стало-быть, на манер того, как сюда,—в избу зайду, товар выложу.—„Бери, ребята, читай, что кому охота. Ты читай, а я погощу. Мне не к спеху, торопиться некуда.“ Вот. И день, и два погощу, а в иной деревне—и неделю проведу. Люди-то, вижу, добрые, и накормят, и напоят, и угол вздремнуть дадут. А большето мне чего надо на старости лет?..

Стал короб развязывать старик, начал книжки вынимать,—да ведь все какие занятные!

Потом портреты вынул: тут тебе и тов. Ленин, и тов. Калинин, и еще многие другие,—про которых мы только слышали, а видеть—никогда не видали.

Ведь до самых петухов старичок нас сидеть заставил. А на утро уж мы и сами его от себя не выпускаем.

— Нет, стой, брат, шалишь, пока всего не перечтем,—сиди, ешь, пей, отсыпайся от дороги.

— Ладно,—говорит,—только надо соседей оповестить, пускай и они какие книжки разберут. Да и ребят малых потешить охота. У меня и про них особые книжки есть,—которые с картинками крашенными.

Утешительный старичок, одно слово!

С неделю у нас прогостил, потом книжки собрал

по всей деревне, в короб уложил и айда в путь-дорогу.

Денег, было, ему собрали,—не взял-таки.

— Сказывал я вам, — говорит, — не ради того хожу,—и шабаш! Кормят меня люди добрые, — и на том спасибо.

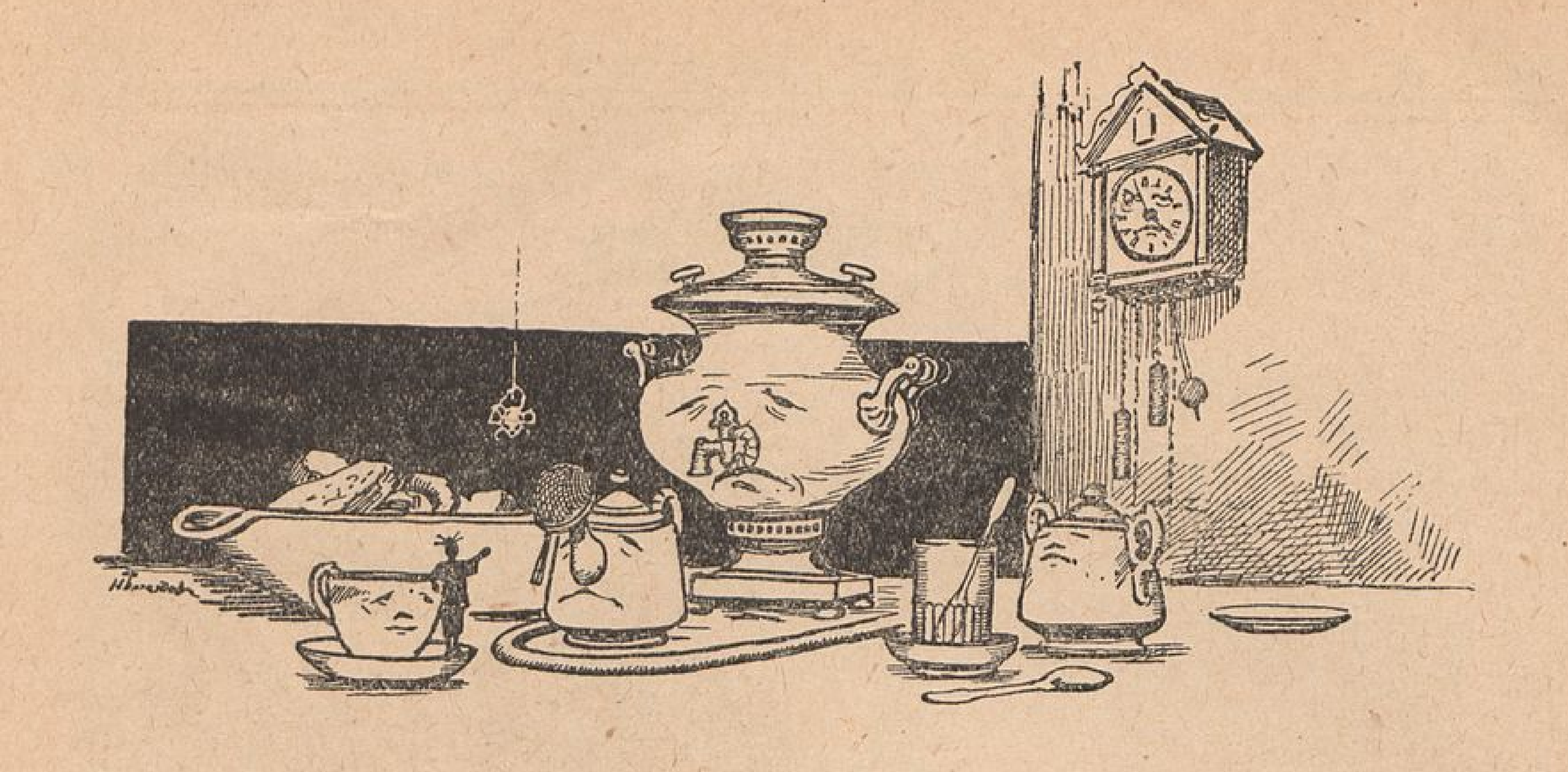
Так и ушел он от нас.

Д.

Ну, и великан:
Таракан—
Прусак!
Ничего не говорит,
Лишь усами шевелит.
Вот так!
А букашки,
Таракашки
Дивовалися:
„Вот страсти,
Напасти“
Испугалися.

Да бегом,
Кувырком
С печи.
И заныли:
Отбили,
Вишь, плечи!
Великану ж,
Таракану
Смехота.
По печи похаживает,
На букашек поглядывает.
— Мелкота!

Чинка-Чаинка.

СКАЗКА

— Гу-у... гу-у... дзли... и-и-и...—пел Самовар свою песенку.— Дзли... дзли... дзли...

— Вот надоел своей музыкой!—сердито ворчал белый Чайник, с надтреснутым носом.

— Ах, нет,—пискнула маленькая черная Чаинка, упавшая на поднос.—Так хорошо думать под его песенку.

— Думать?!—фыркнул Чайник.—О чем же ты можешь думать?

— О своей родине—Китае...—вздохнула Чаинка.

— Это интересно,—пробасил Паук, спускаясь на серой ниточке с потолка.—Я что-то такое слышал про Китай. А как тебя зовут?

— Меня зовут Чинка-Чаинка. Вы ничего не слыхали о чайном дереве?—спросила маленькая Чаинка.—Ну, так я вам расскажу.

— Расскажи, расскажи... дзли-и... дзли-и... дзли-и...—пропел Самовар,—это очень интересно.

Он был в хорошем настроении.

— Чайное дерево растет в Китае,—задумчиво начала Чаинка.— Там разводят целые поля таких деревьев.

— Эти поля называются плантациями...—бум-бум-бум!—пробили Часы **три** и опять лениво затикали.

— Да, да, плантациями,—улыбнулась Чинка-Чаинка,—и разводят эти плантации на склонах гор. Как там хорошо! Чайные деревья всегда зелены. Ведь у нас в Китае нет зимы.

— А ваши чайные деревья цветут?—спросил, раскачиваясь, Паук.

— Как же! Цветы чайного дерева белые и пахучие.

— Тик-так... они похожи на цветы яблони. Тик-так...

— Из чего же собственно делается чай?— спросил Чайник.

— Смешной какой! Из листьев чайного дерева,—засмеялась Чаинка.—Я была маленьким зеленым листиком этого дерева. Нас,— листья, собирают три раза в году.

— В апреле, июне и начале августа, — прохрипели Часы и пробили четверть четвертого.

Самовар с уважением посмотрел на Часы:

— Дзли-дзли... Очень интересно... — пропел он задумчиво.

— Как же так? Ведь дерево засохнет, если с него сорвать все листья?! — воскликнул Паук.

— Вот чудак!— засмеялась Чинка-Чаинка.— Часть листьев всегда оставляют на дереве.

— Я слыхал, что бывает чай нескольких сортов. Правда ли?—спросил Поднос.—Как же получается каждый сорт?

— Все сорта чаю можно сделать из одних и тех же листьев. Нужно только уметь.

Чинка - Чаинка задумалась. Что-то вспоминала.

— Да... чтобы получить **черный чай**, собирают листики чайного дерева, раскладывают их на камышевых рогожках и медленно просушивают на солнце. Потом их скручивают руками или машинами, складывают в кучи и сильно мнут, так что из листьев

выступает зеленый сок. Затем опять раскладывают на рогожки и дают преть, пока листья не почернеют. Когда листья почернеют, их поджаривают на больших сковородах. Так была приготовлена и я. Понимаете?

— А чтобы получить **зеленый чай**, листья сначала бросают в горячие котлы, потом их вынимают и скручивают на столах; скрученные листья поджаривают и еще раз скручивают. И тогда они делаются **темно-зелеными**.

— А вот еще есть такой чай, как шоколадная плитка?! Этот как делается?—спросил серьезно Чайник.

— Да-да. Есть еще и такой чай, Кирпичный,—называется, Он приготовляется из старых веток, которые кипятят в воде и потом сдавливают в такие плитки, как шоколадные.

Чинка-Чаинка замолчала.

— Ну, а что же потом?—спросил Паук.—И как ты попала сюда?

— Потом нас завернули в пачки, упаковали в ящики и долго везли. Я почти всю дорогу спала. Привезли нас в магазин и разложили на полки. На полках мы лежали недолго. Нашу пачку купили. И вот сегодня я очутилась тут. Мне так хорошо греться на солнышке и вспоминать свой Китай.

— Тик-так! Тик-так!.. А теперь там, наверно, собирают чайные листья,—протикали Часы.

— Да, собирают чайные листья,—тихо повторила Чинка-Чаинка.

— Гу-у... дзли... гу-у... дзли... Как все это печально!..—совсем тихо пропел Самовар и замолчал.

— А у нас разве не может расти чайное дерево?—спросил Чайник.

— Тик-так! У нас очень холодно для чайного дерева,—важно заявили Часы.—Оно растет, кроме Китая, еще в Японии, Ост-Индии и в Закавказьи...

— Как приятно быть таким ученым!—любезно улыбнулся Паук.

— А позвольте вас спросить...—Чайник замялся...

— Откуда вы все знаете?—докончил за него Поднос.

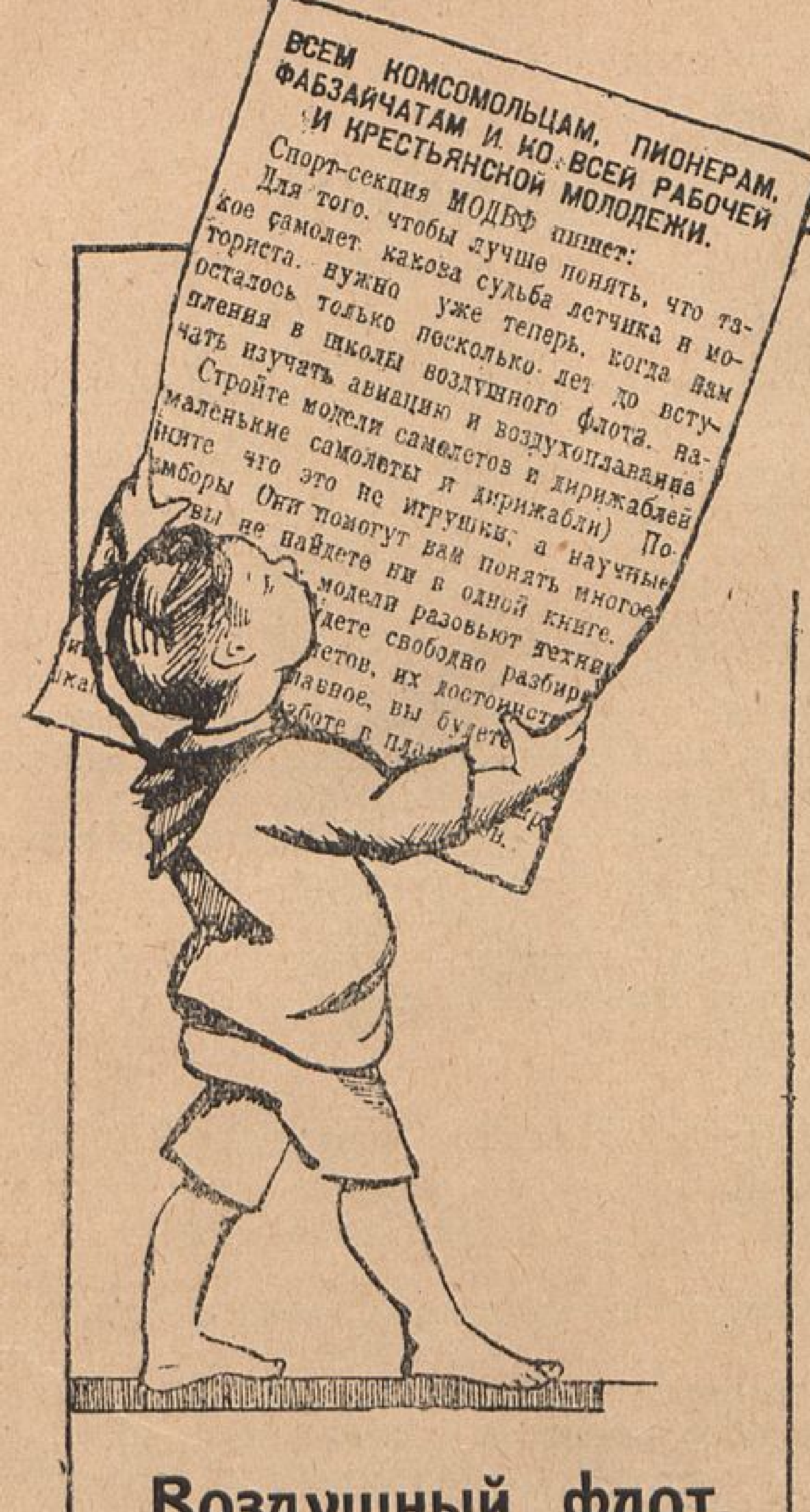
Часы затикали:

— Мы раньше висели в комнате учителя. Ах, какие интересные книги он читал! И мы многое узнали. Да. Тик-так, тик-так, тик-так.

— Дзли-и... гу-у-у...—опять запел Самовар совсем тонким голосом и уронил из крана на поднос большую слезу.

— Он, верно, тоже вспомнил свое прошлое...—тихо сказал Паук и быстро-быстро, перебирая лапками, потянулся по нитке вверх, к потолку.

Татьяна Пильчевская.

Воздушный флот.

Прочитал Вася в газете, что нужно модели аэропланов делать, и сейчас же принялся за работу.

Мастерил, трудился долго, зато и аэроплан вышел на славу.

Вместо пассажира снарядил котенка и крепко на-крепко привязал его к аэроплану, чтоб не свалился, когда полетит. А потом со шкафа и спустил аэроплан. Ну, уж тут не аэроплан котенка повез, а котенок аэроплан потащил...

Ну, да ничего,—на следующий раз уже наверно лучше удастся.

Давайте, ребята, мастерить,—у кого лучше выйдет...

Е. И.

Вот тебе и валенки!

I.

Давно обещал отец Леньке валенки купить, да все денег не было.

— Подожди,—говорит,—вот скоро получка будет, тогда и купим.

Раз в субботу приходит отец с завода и говорит:

— Ну, Ленька, завтра, брат, пойдем с тобой на рынок в кооперативную палатку, валенки покупать.

Обрадовался Ленька.

— Я, папанька, хочу чесанки, как у дяди Егора.

— Ну, ладно, там посмотрим, какие найдутся.

Мать стала собирать ужин, а Ленька и есть не хочет, спать укладывается, боится, как бы завтра не проспать. Лежит он на сундуке, да не спится ему, все думает, какие такие валенки купит ему отец.

„Эх, хорошо бы чесанки! А то еще у Петьки очень уж хороши! Надену валенки, побегу с ребятами на улицу, по льду будем кататься.“

И вдруг видит Ленька валенки,—маленькие, маленькие; надел он их, а тут откуда ни возьмись Петька.—„Не тронь,—говорит,—это мои“,—и за ногу тянет, снять хочет. Ленька не дает; хотел закричать и глаза открыл. Смотрит,—уж светло, и отец за ногу его трясет.

— Вставай, Ленька, валенки проспал!

Как вскочит Ленька,—да одеваться, и чаю пить не стал. Так, не пивши и на рынок пошел.

II.

Пришли на рынок.

Отец пробирается к кооперативной палатке, где валенки разложены. Подошли, стали выбирать.

Ленька отца за рукав дергает, шепчет:

— Вон энти, папанька, вон энти, косматенькие.

— Эх, ты, миляга,—сказал приказчик,—сам ты косматенький! Те велики тебе будут, ты и весь-то в них с головой уйдешь.

Долго выбирали, все не годились, маленьких-то не было.

— Подожди до завтра,—говорит приказчик,—завтра вынесу поменьше.

„Вот тебе и валенки,“—подумал Ленька,—жди до завтра; нет, уж лучше сейчас.“

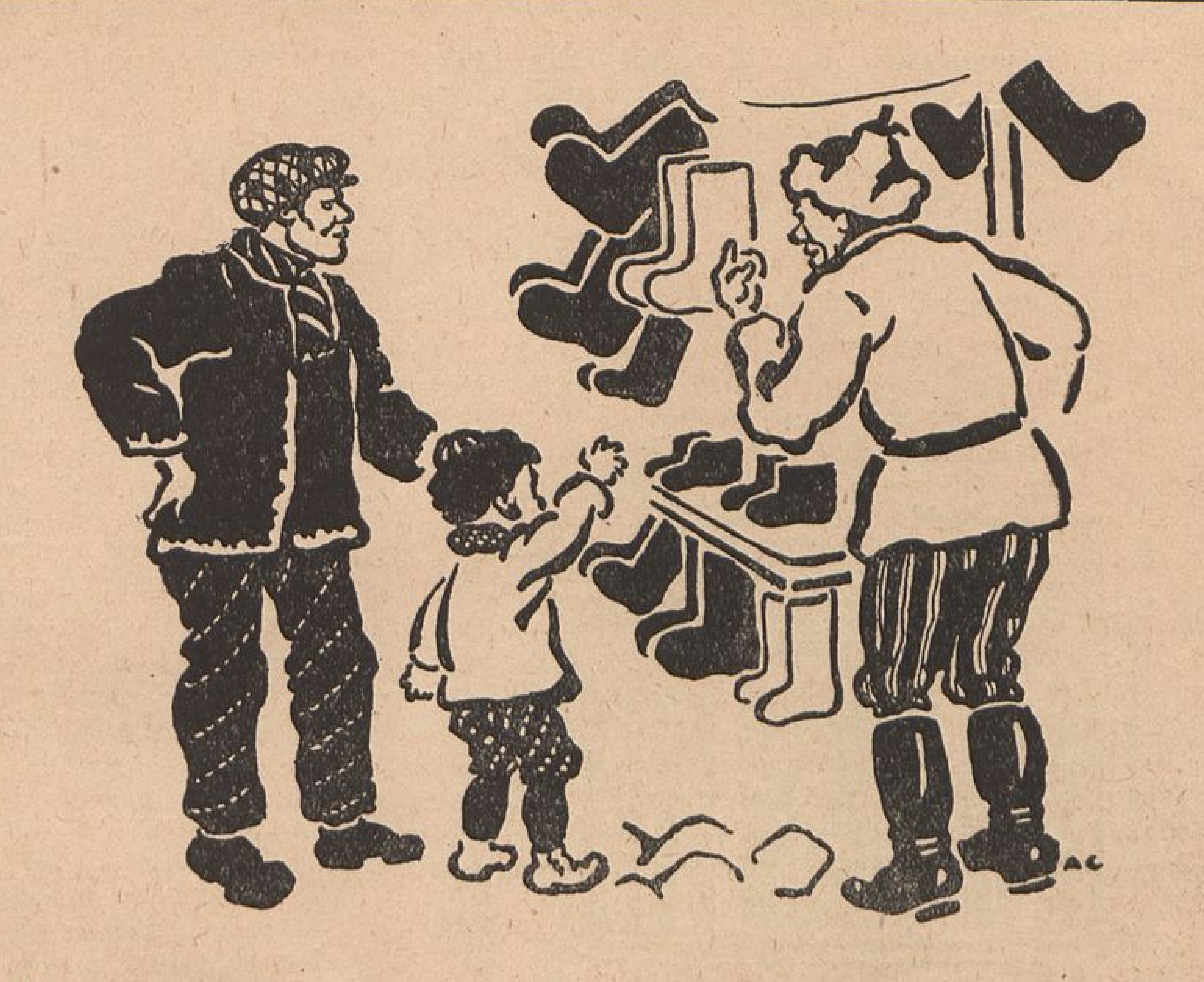
—Я, папанька, может, подрасту, мне скоро седьмой год пойдет, вон энти-то мне тогда в самый раз будут.

— Правильно,—говорит приказчик,—ноги-то у него подрастут, да и чулки потолще можно обуть, а валенки не на одну зиму берете.

Купили и пошли.

Рад Ленька до смерти. Сам несет валенки. Посмотрит, посмотрит на них и рукой погладит. Ишь ты, какие мягонькие, пушистенькие!..

И встречные на него смотрят: какие, мол, валенки важные мальчишке купили.

Пришли домой, стали матери покупку показывать, а она отца ругает:

— Чего ты смотрел?.. Велики мальчишке валенки-то, с ног спадут.

— Небось, не спадут,—смеется отец,—а спадут, поднимет. Верно говорю, сынок?

Хотел Ленька побежать на двор в новых веленках, ребятам показаться, да мать не пустила.

— Мокро на дворе; может, к утру подмерзнет, тогда и пойдешь.

Зато дома Ленька весь день в валенках проходил, а спать лег,—положил их себе в изголовье.

III.

По утру проснулся,—вот они, валенки-то! Как положил, так и лежат.

Посмотрел Ленька в окно, а улица белая, белая; и на крышах снег, и на деревьях снег, а лужицы все ледком затянуло.

Надел он пальтишко, шапчонку, сунул ноги босые в валенки да на двор.

— Ребята, Петька, Санька! Глядите валенки-то, новые ведь они!

Эх, и валенки! Как покатили по льду, и коньков не надо. А Санька—за ним. Конек один веревкой подвязал, да куда ему! У него валенки старые, подшитые, и пятка сзади светится. А Саньке и горя мало. Одной ногой оттолкнется, на другой покатится, да опять... да опять...

— Побежим,—говорит Санька,—на Чистые Пруды, там, можа, каток теперь замерз.

— А далеко они, Чистые Пруды-то?—спрашивает Ленька.

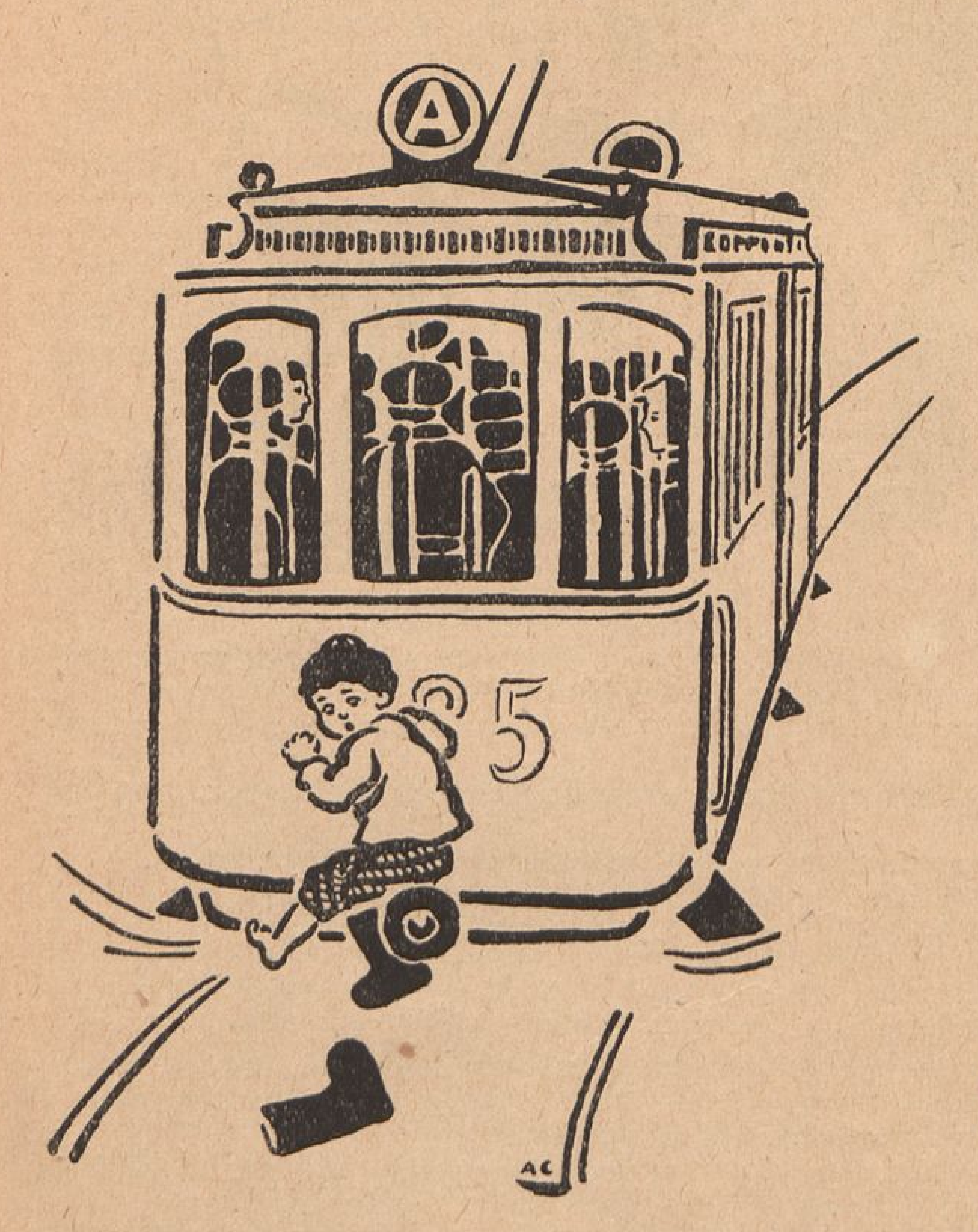
— Далеко-то оно далеко, да мы по трамваю доедем.

— Без денег-то как поедем?

— Эх, ты, сопливый, без денег. Это всякий сможет за деньги-то проехать, а мы так попытаемся!..

Ну, Саньке лучше знать, он большой, он и папиросами торгует, и по улицам один ходит.

— Ты слушай меня,—говорит Санька,—ездить по трамваю—это можно, только надо умеючи: беда, коли милиционер увидит. Можно и на ступеньке доехать, а еще лучше сзади. Я на первом поеду, а ты смотри, как я садиться буду; а вслед другой побежит, ты на тот и садись; крепче держись руками да не зевай, ноги-то подбирай повыше, чтоб по земле не везлись; да на ходу не прыгай, а то убьешься; тут с тобой не оберешься делов, по милициям затаскают. Понял?

— Понял.

— Ну, а коли понял, пойдем, на углу будем ждать.

IV.

Стоят, ждут...

Вот застучал трамвай. На верху по проволоке голубая искорка стрельнула. Эх, катит!

Стоп! Санька изловчился, прыгнул сзади.

Зазвенел звонок, опять побежал трамвай. А Санька и шапкой помахал:—„Не зевай мол“.

Леньке боязно. „Ну, как дяденька - милиционер увидит? Как бы валенки не снял“.

Опять искорки по проволоке замелькали. Стучит трамвай. Остановился.

Перебежал Ленька улицу, вскочил сзади, руками ухватился и ноги вытянул, как Санька учил.

Готово! Дзин, дзин! и стучали колеса тра-та-та Покатил трамвай.

Сидит Ленька, руками держится, дух замирает.

Эх, не усидеть ему!

А трамвай все скорей да скорей, под гору побежал; вот поворот,—тряхнул легонько, качнулась у Леньки нога, упал валенок...

Хочет закричать Ленька,—голосу нет. Соскочить?... Убьешься.

А колеса ту-ту-ту,—стучат, стучат...

Видит Ленька, темнеет на снегу пятнышко, да все дальше, дальше; все меньше, меньше делается, вот уж чуть видно, а тут и совсем из глаз пропал.

Остановился трамвай, соскочил Ленька да бежать. Одна нога в валенке, другая босая.

Бежит, на прохожих натыкается. Кто обругает его, кто пожалеет. Извозчики на углу смеются.

Тетенька какая-то старенькая пожалела:

— Ах, ты, родимый! Пропал теперь твой валенок, сама видела, оголец какой-то поднял да убег с ним.

Бежит Ленька, плачет, приговаривает:

— Валеночек мой миленький, косма-а-тенький...

М. Баршева.

Октябрята.

Эй, бодрей вперед, ребята!
Так хотел наш вождь Ильич.
В ногу, в ногу, октябрята!
Смена—смене,—вот наш клич.

Деда нашего не стало,
Нет вождя—гиганта стран.
Он учил нас, как бороться
За рабочих и крестьян.

Умер, умер наш учитель;
Он в гробу... Ребята, в ряд,
Пусть живут его заветы
В миллионах октябрят.

Так вперед, идем на смену,
Дети фабрик и огня!
Пусть земля кругом пылает
В годовщину октября.

Юнкор *В. Вармуж.*

Мурзилкина почта

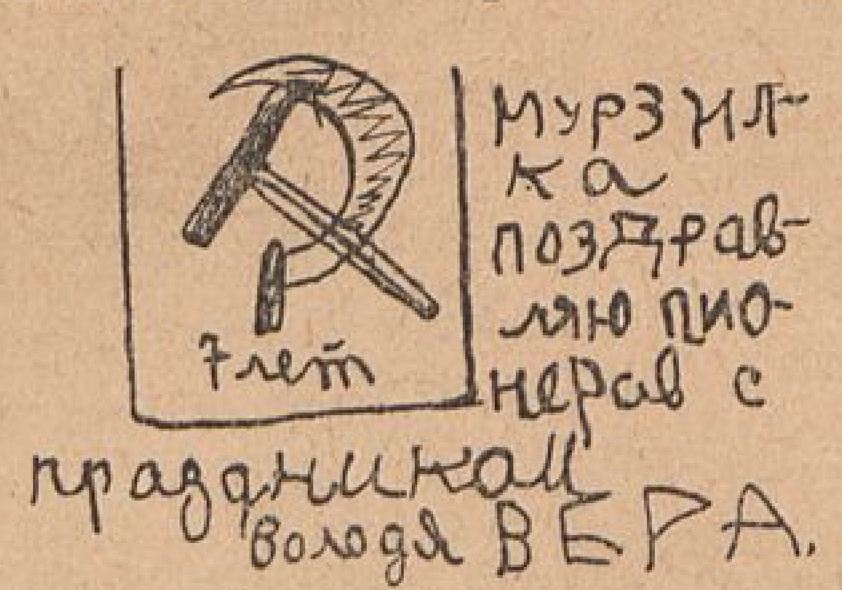
Милый Мурзилочка!

Шлем тебе привет из Орехова.

Мурзилочка, спешим тебе сообщить, что стадо, которое ты нам прислал вместе с журналом, мы вырезали и склеили; вышло очень хорошо, и всем нам оно нравится. Мурзилочка, мы очень любим тебя читать, и очень жалко, что ты так редко выходишь.

Нас в сад гулять не пускают, потому что теперь холодно. Мы все время сидим дома и с нетерпением ждем следующего журнала „Мурзилку".

Ореховские дети дома № 201.

Беспризорные.

В Нара-Фоминске тоже есть беспризорные дети, которые ходят по казармам и просят себе хлеба. Пионер, идущий по улице, если встречает беспризорного, то ведет его в пионерский городок. Нашим пионерам очень жаль таких детей, которые ходят полураздетые и голодные, за которыми никто не смотрит, как за заброшенной собакой. В пионерском городке беспризорные чувствуют себя лучше; пионеры им приносят хлеба, масла, а другие—какую-нибудь одежонку. Беспризорные радуются, что их пионеры приютили в городке. После тяжелой жизни в холоде и голоде, где попало,—они сразу очутились в тепле и уюте среди своих.

Потом вожатый отряда выхлопотал отправить беспризорных в Москву, где их поместили в детском доме. Это уже было совсем хорошо.

Пионеры, — помогайте таким детям! дети цветы жизни.

К. Калашников.

Нара, Московской губ.

Беспризорные варят себе пищу на задворках.

Мурзилка, радуйся!

Твои товарищи Нара-Фоминской фабрики успешно заработали. У них идет работа на детской площадке.

Ребята, твои товарищи, там рисуют, вырезают, ходят на экскурсии и даже ежедневно их угощают завтраком. Ребята радуются и просят Мурзилку, чтобы он больше делился с ними.

Пионер Пив-Пав.

Кормовой столик.

Дует холодный ветер, льет дождь, деревья стоят голые; всюду грязь.

Маленьким нашим друзьям, птичкам, трудно найти себе корм.

Но все же они его находят кое-где. Прыгают с ветки на ветку, ищут в каждой щелке, под корой, гусениц бабочек, которые залегли спать до весны.

Но пойдет снег,—и совсем голодно становится.

Вот в такое время и надо придти на помощь голодающим.

Возьмите ящик, переверните его вверх дном,—вот вам и готов кормовой столик. А лучше устроить кормовой столик из досок, которые укрепить между сучьями дерева.

Тут уже птичкам будет безопасно. А на корм могут идти крошки хлеба от обеда, очистки вареного картофеля, горсть конопли.

Подумать же о птицах надо. Это—большие друзья нам.

Вспомните, что они оберегают наши сады, огороды, поля, поедая в огромном количестве вредных насекомых, гусениц, семена сорных трав.

Е.

На зимней квартире.

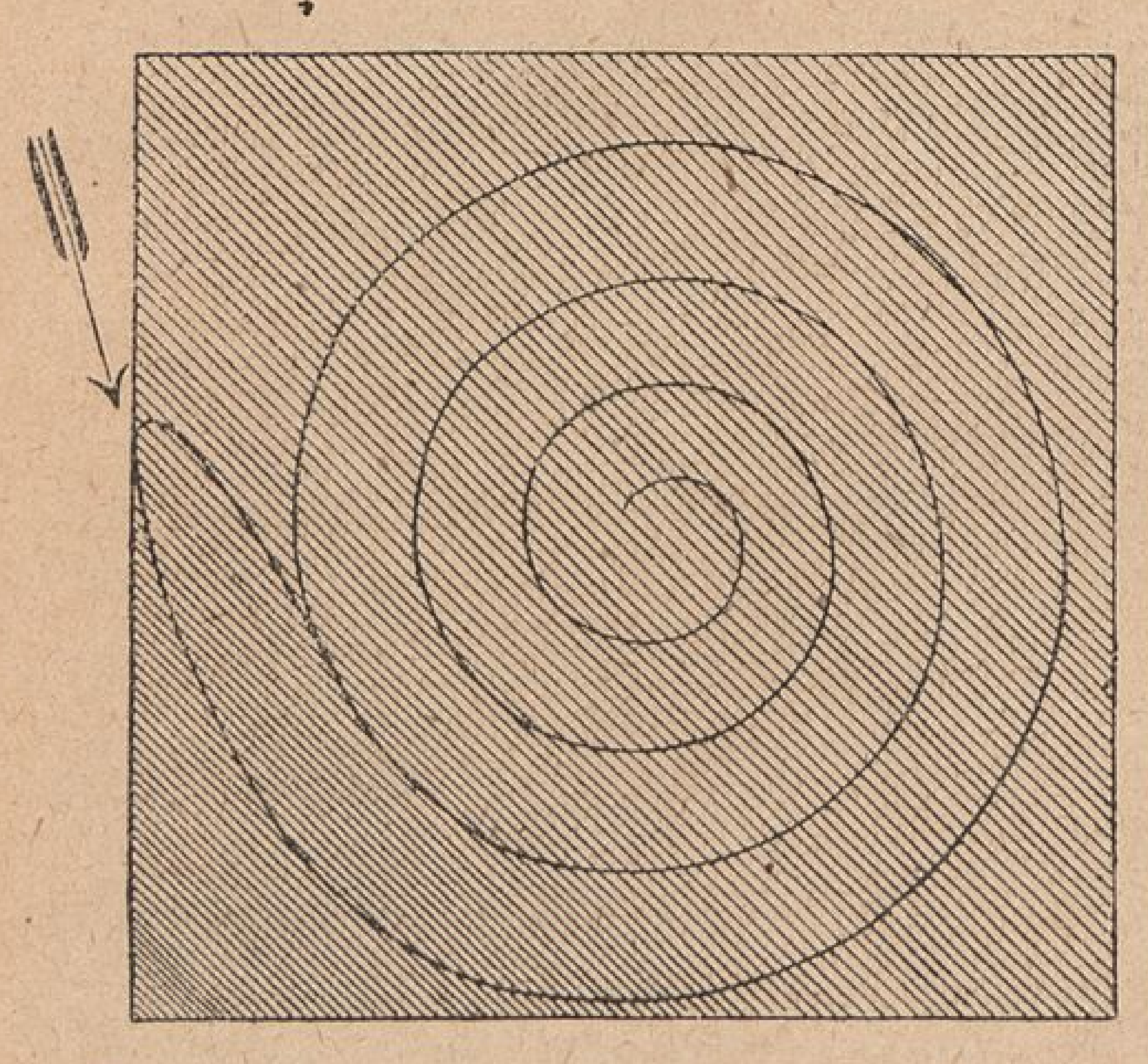
Орешниковая соня, маленький миловидный лесной зверок, устраивает себе на зиму настоящую спальню. Да и не одна она,—полевые мыши подражают ей.

Вырывает соня себе во мху или между высокой травы ямку, наберет сухой травы, сухих листьев; вся сожмется в комок и плотно закутается в траву и листья.

Она долго катается по земле, пока из травы и листьев не образуется комок. Внутри этого комка лежит, с'ежившись, соня и спит непробудным сном.

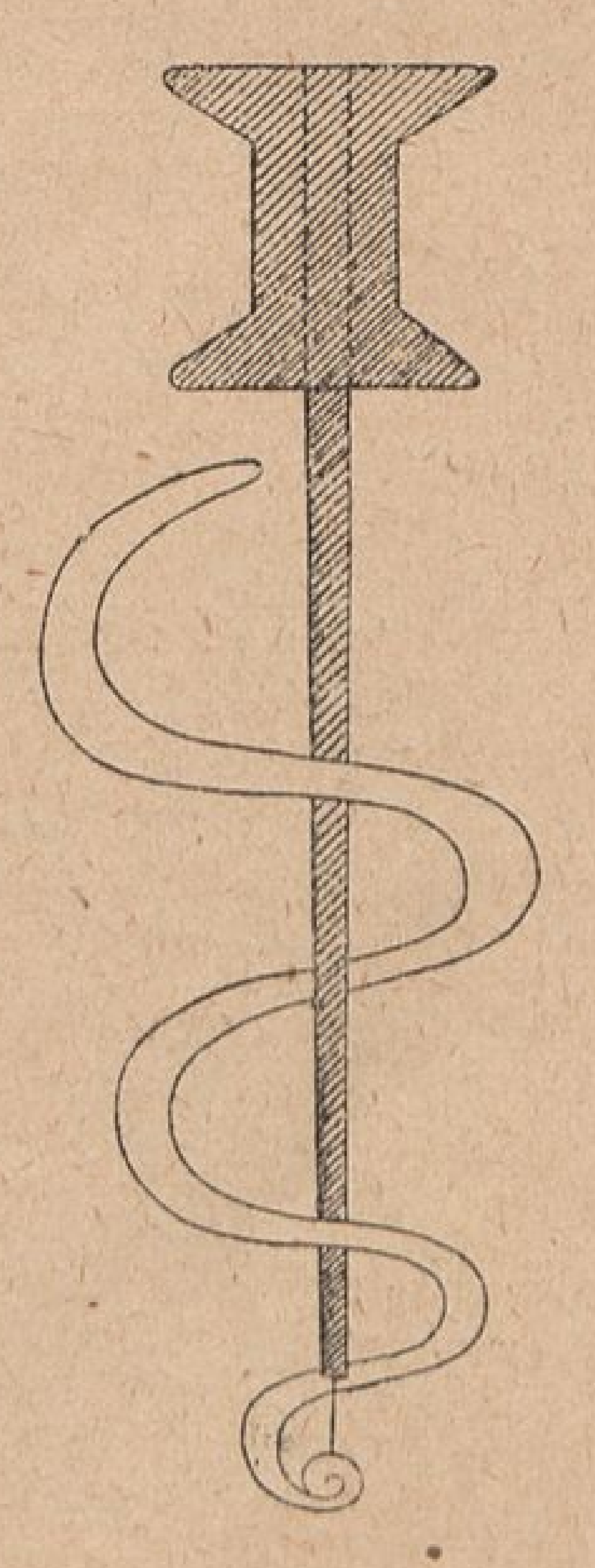
Если найти такой шарик травы и листьев,—то никак нельзя догадаться, что внутри его лежит живой зверок.

РАБОТЫ и ЗАНЯТИЯ

Вертящаяся змея.

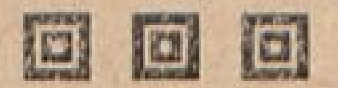
Возьмите половину обложки от старой тетрадки, нарисуйте на ней фигуру, как на рисунке 1. Вырежьте ее и прорежьте по закругляющейся линии сверху до середины.

Теперь сделаем подставку. В пустую катушку—воткнуть палочку, а в верхний конец вогнать булавку острием вверх.

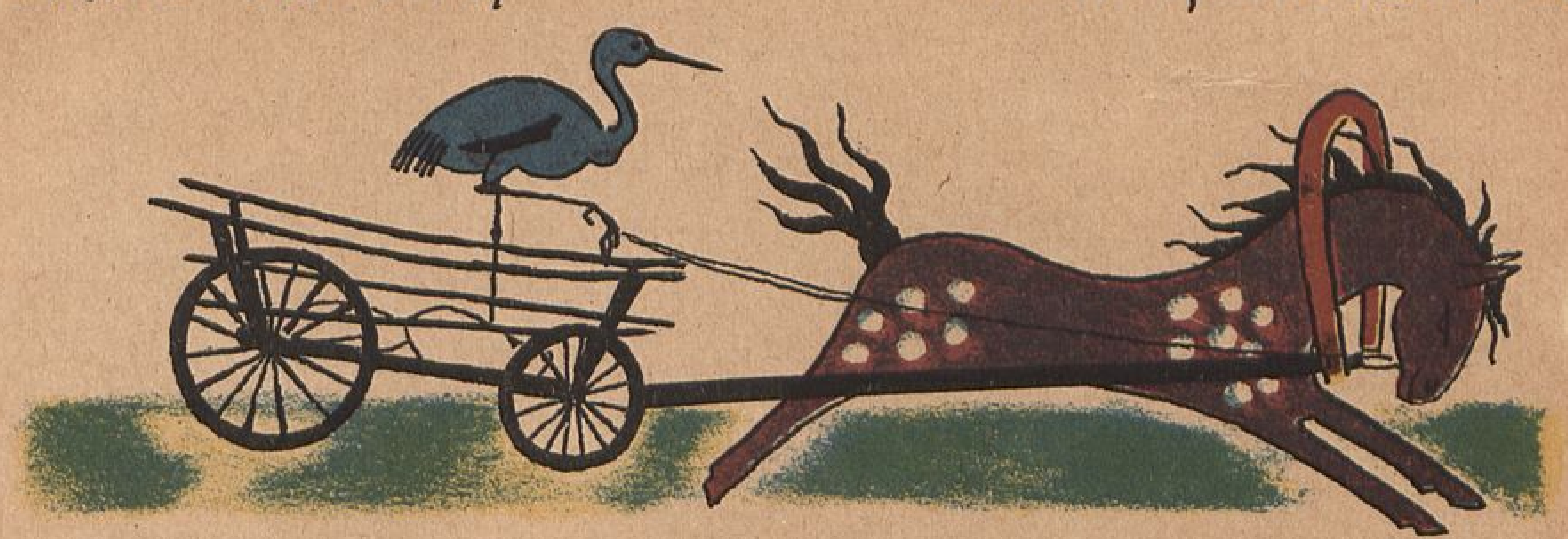
На это острие поместите вырезанную фигуру серединой ее и затем оттяните немного всю фигуру, чтобы она змейкой опускалась вниз вокруг подставки.

Поставьте вашу игрушку на теплую печь,—и змейка начнет вертеться, как живая.

КУРЛЫ — МУРЛЫ — ЖУРАВЕЛЬ

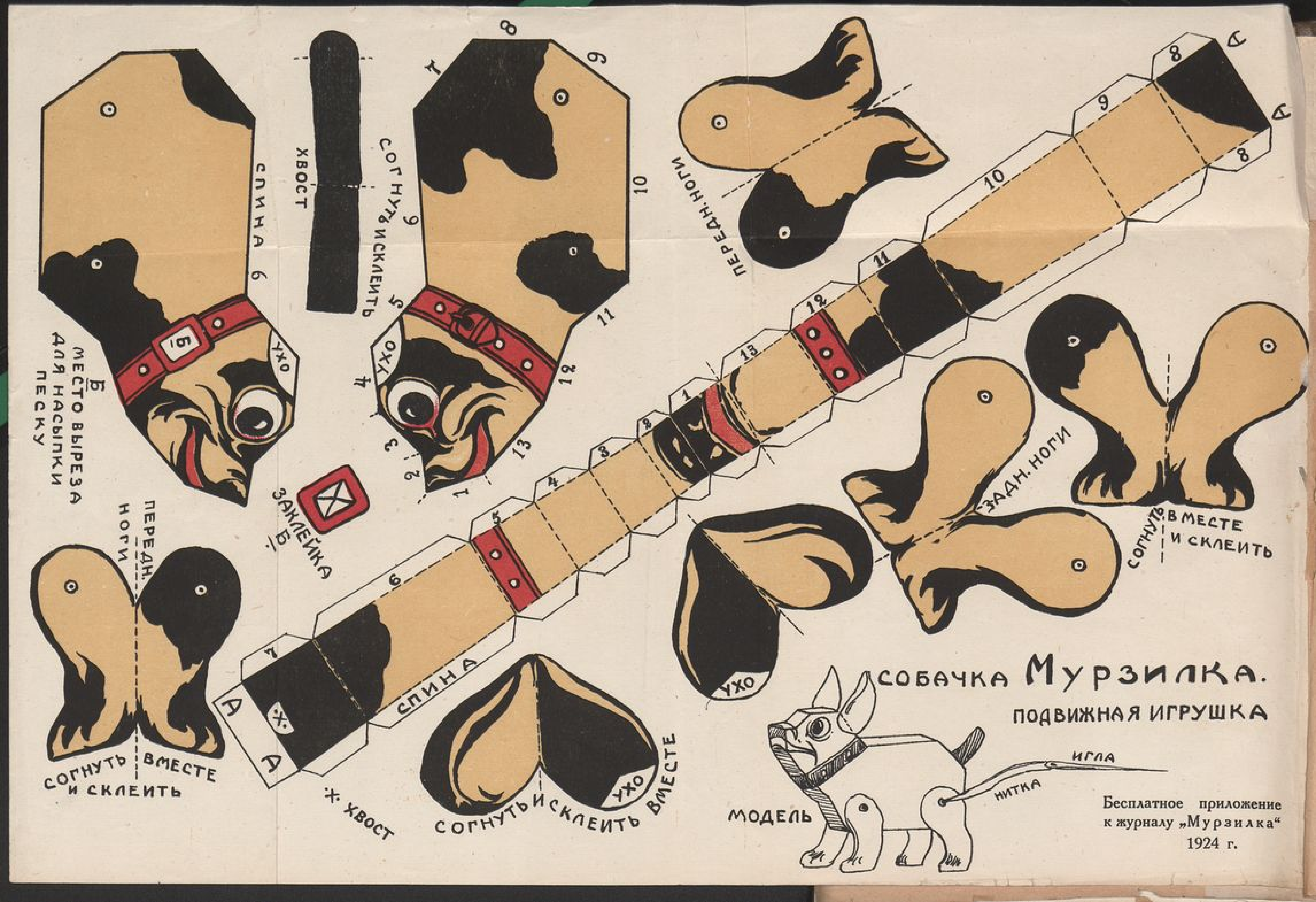
Долгоногий журавель
Курлы — мурлы журавель,
На мельницу поехал
Смотрит, — это не потеха ль:

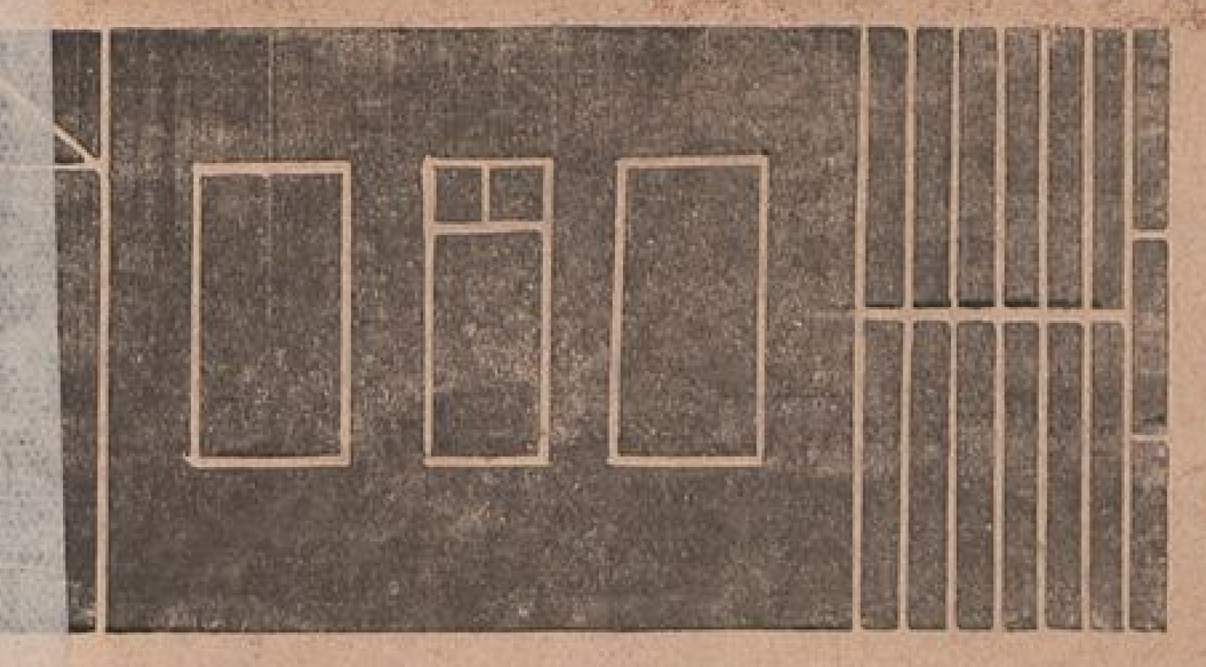

Коза муку мелет,
Козел засыпает,
Малые козлятки,
Муку выгребают.

Все — то работники,
Все — то заботники,
Один он — журавель,
Курлы — мурлы журавель,

Глазами хлопает,
Ножкой топает,
Носом — щелк — щелк.

Собачка Мурзилка.
Подвижная игрушка
Модель
игла
нитка
спина
хвост
согнуть и склеить
ухо
Б место выреза для насыпки песку
заклейка Б/Б
передн. ноги
задн. ноги
согнуть вместе и склеить
х. хвост
согнуть и склеить вместе
Бесплатное приложение к журналу „Мурзилка“ 1924 г.

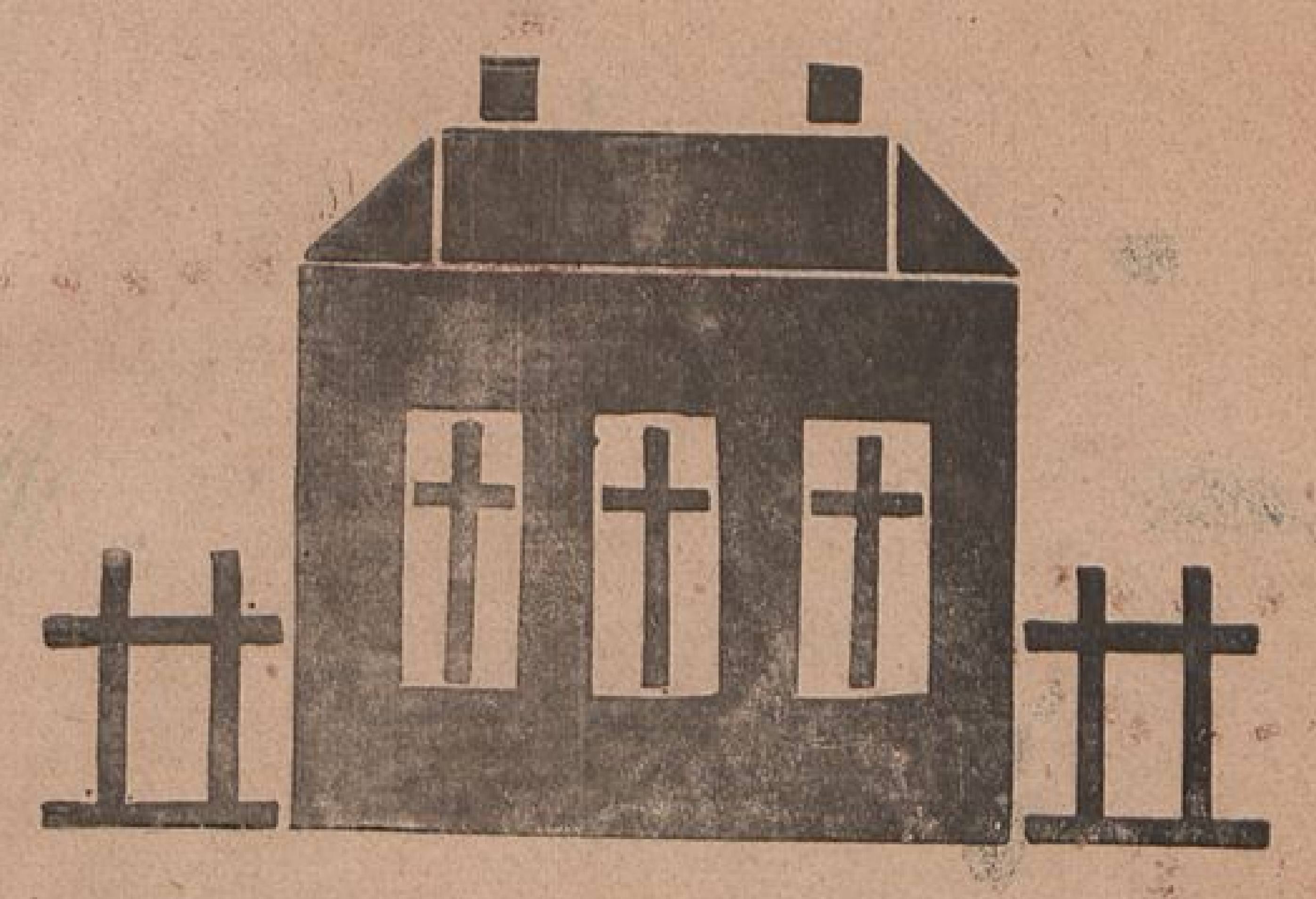
ДОМИК

Вот вам задача.

Из кусочка черной бумаги нарежьте такие части, которые очерчены белыми линейками на первом рисунке.

А затем из этих частей составьте домик с забором, который нарисован у нас на рисунке втором.

Лучше всего, если вы наклеите эти части на белую бумагу,—тогда у вас получится рисунок домика.

Загадки.

Как на мельнице два братца
Все-то спорят да бранятся,
И не ссорятся,
А не-наспорятся,
Друг с другом дерутся,
Никак не разойдутся,
Братец братца жмет,—
Кровь белая течет.

Жернова.

Я—услужливый пузан,
Всех охотно угощаю.
То молчу, как истукан,
То я скромно распеваю.

Самовар.

Живу на грядке,
Заплатка на заплатке,
Ниток не видно,
Мне и не обидно.

Луковка.

Наш зверок
С вершок.
Носом шмыг, шмыг,
Хвостиком дрыг, дрыг,
А дело делает.

Иголка с ниткой.

Главлит № 30181 Типогр. «Рабочей Газеты», Сущевский Кам.-Кол. вал. д. 63. Тираж 25.000.

Цена отдельного № (с прил...) 40 коп.

БУДЕННЫЙ С ЛОШАДЬМИ, НА КОТОРЫХ ОН СОВЕРШИЛ ПОХОДЫ.

Издатель „Рабочая Газета“.